

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Вахштайн В. С., Кловайт Н.О.

**Анализ актуальных дискуссий в теории действия и
практик: скептицистские VS антискептицистские
направления концептуализации**

Москва 2018

Аннотация. В данной работе проводится анализ основных проблем концептуализации действия и действующего в витгенштейнианской теории. Эти вопросы обладают фундаментальной значимостью для социальной теории в силу того, что они позволяют переопределить базовый понятие, лежащий в основании значительной части социологических концептуализаций: это концепт социального действия. В рамках настоящей работы мы предлагаем рассмотреть скептицистский парадокс, изначально сформулированный С. Крипке, применительно к современным теориям действия. Мы предлагаем его решения, основываясь на этнометодологическом прочтении парадокса, которое позволяет переопределить проблематику субъективного смысла, лежащую в основании большинства теоретических подходов к действию.

Abstract. In this paper we analyze the problem of the social action and its Wittgenstein re-definition. These questions are of fundamental importance to the social theory because they allow us to redefine the basic concept underlying a significant part of the sociological conceptualizations: that is the concept of social action. In the framework of this paper, we propose to consider the skeptical paradox originally formulated by S. Kripke, as applied to modern theories of action. We propose its solutions, based on the ethnomethodological reading of the paradox, which allows us to redefine the subjective subject matter underlying most theoretical approaches to action.

Вахштайн В.С. директор ЦСИ ИОН, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Кловайт Н.О. ассистент кафедры теоретической социологии и эпистемологии ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2017 год

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
1 Картезианские и Кантианские версии скептицизма.....	6
2 Реалисты versus Релятивисты	11
3 Философия Витгенштейна и скептический парадокс	16
4 Интерналистская критика социологического прочтения Витгенштейна	25
5 Этнометодологическое прочтение скептического парадокса.....	30
Заключение	35
Список использованных источников	37

Введение

От социальных наук постоянно хотят больше, чем они могут предложить. Политический истеблишмент требует от социологов надежных прогнозов, предприниматели хотят знать особенности потребительского поведения своих клиентов, наконец, просто неравнодушные желают располагать в руках надежным знанием, которое было бы применимо в решении конкретных проблем и обязательно вело к улучшению жизни. По сути, социологи должны давать четкие ответы на вопросы, которые непосредственно находятся в их зоне ответственности. Например, социальному ученому нужно однозначно сказать, что при принятии российским парламентом нормативно-правового акта X в социальной сфере обязательно произойдет следствие Y. Если он попытается смягчить свой ответ, используя такие обороты, как «скорее всего произойдет», «можно с определенной вероятностью предполагать, что», «допустимо, что следствием этого события станет», то у аудитории, пусть даже перед ней стоит именитый ученый, начнет закрадываться подозрение об объективности проделанной аналитической работы, о ее достоверности и полезности в решении обсуждаемой проблематики.

Действительно, слушатель может стать скептиком, когда ему транслируют сообщение, в надежность которого до конца не верит тот, кто его посылает. Но в чем собственно здесь проблема? Встанем на место заказчика социологического исследования. Он заплатил определенную сумму исследовательской команде, чтобы та помогла ему понять технико-инновационный потенциал населения региона, в котором располагается его компания по продвижению интернет-технологий. Перед ним стоит конкретный вопрос: как мотивировать население использовать инструменты компании для создания собственных стартапов. Переведя значительную сумму денег социологам, по итогам их работы заказчик получает исследовательский отчет, где все население упорядочено по группам в зависимости от технико-инновационного потенциала, есть фрагменты интервью с информантами и общие выводы, есть даже прогнозы относительно дальнейшей мотивационной динамики населения и несколько рекомендаций по оптимизации этого процесса. Нет только одного, четкого набора действий, как вести себя заказчику на новом рынке.

Мы можем и дальше продолжать играть обывательскими примерами, вращающимися вокруг одной фундаментальной проблемы всех социальных наук: есть ли хоть какая-то объективность в описаниях социальных ученых, если они все

время предлагают множестве альтернатив в своих объяснениях? Иными словами, социолог никогда не дает окончательных гарантий в том, что именно это объяснение, а не какое-то иное, будет финальным.

Кто-то полагает, что, не имея однозначного ответа на адресуемые вопросы, социология дискредитирует себя, как наука [1]. В силу своих эпистемических установок они имеют право так считать. Но если занять рефлексивную точку зрения, то наблюдателю откроются основания социальных наук, которые не имеют четкой опоры. Их устойчивость определяется лишь набором аксиоматических утверждений и за счет этого они имеют хоть какую-то стройность. Скептицизм аудитории вполне оправдан, когда она не получает того, чего просит от социологов. Но и сами социологи, прежде всего, те, что пытаются рефлексировать над своей дисциплиной, все время сталкиваются с затруднениями, поскольку их теоретические схемы и объяснительные модели с «большой натяжкой» и дополнительными коррекциями согласуются с реальностью. В результате, одни исследователи предпочитают об этом открыто говорить в академическом сообществе, другие – не видят или делают вид, что не видят всех манипуляций, обеспечивающих совпадение теории и эмпирических данных.

В истории социологии начало этому расколу положила работа Дэвида Блура «Знание и социальная образность» [2] (1976 г.), в которой была изложена сильная программа в социологии знания, ставшей впоследствии причиной схватки между скептиками и антискептиками в отношении объяснительного потенциала социальных наук. Мы обратимся к идеям Блура позже, когда предметно сфокусируемся на противостоянии скептицистов и антискептицистов. На первом этапе нашей работы, мы предлагаем обратиться к философским истокам скептицизма на примере философий Рене Декарта и Эммануила Канта. Здесь мы будем преследовать двойную цель. Во-первых, это позволит осветить проблематику скептицизма через эпистемологическую призму классической философии. Во-вторых, даст возможность пунктирно очертить круг философских вопросов, которые пересекаются с обсуждаемой проблематикой в поле социологии.

1 Картезианские и Кантианские версии скептицизма

Наиболее глубокий анализ философий Декарта и Канта на предмет скептицизма был проведен профессором Чикагского университета Джеймсом Конантом [3]. Обе версии скептицизма происходят из картезианского и кантианского вопросов, и обе ведут к картезианскому и кантианскому парадоксам соответственно. Перед тем, как начнем эксплицировать затрагиваемую классиками проблематику, дадим определение скептицизму. Кэвел понимает под скептицизмом (согласно Конанту, картезианский и кантианский скептицизм также попадают под это определение) референцию не только к какой-то определенной философской позиции, но скорее подразумевает широкое диалектическое пространство, в котором философы предлагают оппозиционные друг другу философские позиции (реализм, релятивизм, идеализм) [4].

Чем различаются между собой картезианский и кантианский вопрос? Приведем хрестоматийный пассаж Рене Декарта:

«А как часто виделась мне во время ночного покоя привычная картина – будто я сижу здесь, перед камином, одетый в халат, в то время как я раздетый лежал в постели! Правда, сейчас я бодрствующим взором вглядываюсь в свою рукопись, голова моя, которой я произвожу движения, не затуманена сном, руку свою я протягиваю с осознанным намерением – спящему человеку все это не случается ощущать столь отчетливо. Но на самом деле я припоминаю, что подобные же обманчивые мысли в иное время приходили мне в голову и во сне; когда я вдумываюсь в это внимательнее, то ясно вижу, что сон никогда не может быть отличен от бодрствования с помощью верных признаков; мысль эта повергает меня в оцепенение, и именно это состояние почти укрепляет меня в представлении, будто я сплю» [5].

Для более отчетливого контраста между двумя проблематиками, процитируем Канта:

«Априорные условия возможного опыта в целом являются в тоже время условиями возможности объектов опыта. Сейчас я придерживаюсь того, что категории ... являются ничем более, как условиями мысли в возможном опыте. И без такого единства ... нет оснований, универсальных и поэтому необходимых. Но это отношение есть ничто иное, как необходимое единство сознания, стало быть, и синтеза многообразного посредством общей присущей душе функции объединения

многообразного в одном представлении. Эти восприятия не обязательно могут принадлежать какому-либо опыту, следовательно они могли бы существовать и без объекта, просто как слепая игра репрезентаций, даже меньше, чем сон» [6].

Проблематика, которую показывает Декарт, центрируется вокруг вопроса о том, как отличить реальность от вымысла, иными словами, как понять, что все происходящее вокруг не сон, а реально происходящая череда событий. Кант, на наш взгляд, идет еще дальше и задается вопросом, как возможен сон, когда происходит испытание чем-то. Если для Декарта сон и реальность выступают порядками, гарантированными, как само собой разумеющиеся, то для Канта их онтология проблематична и его волнует сама возможность воспринимать что-то, как реальность или как сон. Кант, обобщает расхождение между двумя позициями, как знания versus возможности что-либо знать [7].

Теперь имеет смысл раскрыть сущность представленных вариаций скептицизма на примере краеугольных аспектов двух философских проектов.

Восприятие. В данном случае под восприятием понимается процесс, который позволяет приобрести устойчивое знание. Восприятие картезианского скептика должно содержать некий дополнительный фактор, чтобы совершить переход от внутреннего сознания к внешнему миру. Но что это за фактор, позволяющий преодолеть разрыв между внутренним и внешним?

Другие сознания. Картезианский субъект постоянно сталкивается с другими субъектами. Им свойственны определенные поведенческие, вербальные и невербальные проявления. Например, субъект сталкивается с женщиной, которая надрывно кричит. Что вызвало такое поведение? Возможно, она испытывает приступ физической боли или, наоборот, вследствие тяжелой утраты близкого человека, она начала таким образом проявлять свои траурные эмоции. Не имея доступа к внешнему миру, сознание картезианского субъекта не способно объективно интерпретировать поведение других субъектов.

Язык. Информация приобретает статус знания, если те слова и предложения, что производит субъект для описания чего-либо, приобретает определенный смысл. По сути, проговаривая набор неких допущений и утверждений, каким-то образом появляется осмысленная форма. Нужен ли для ее возникновения какой-то дополнительный компонент?

Интенции. Если принять во внимание непосредственно самого картезианского субъекта, то он также совершает определенные действия. Какие-то из них являются

спонтанными, какие-то определяются привычкой, но есть и такие действия, для которых характерно целеполагание и осмысленность. Проблема интенционального действия для картезианского субъекта возникает тогда, когда он задается вопросом о том, что ему нужно добавить в свое поведение, чтобы производимые им физические манипуляции стали осмысленными и он смог правильно охарактеризовать стимулы, побудившие на их совершение.

Искусство. Картезианский субъект остается верен методу радикального сомнения. Допустим, в его доме висит знаменитая картина Сандро Боттичелли «Бездна ада». Однако точно такая же картина висит в Ватиканской апостольской библиотеке. Сомнения появляются в тот момент, когда субъект задается вопросом, является ли его картина таким же произведением искусства, что ее аналог? Как он может знать, что его работа настолько же реальна, что и картина из Ватикана? Его напряжение, как кажется, вызвано противопоставлением физического проявления картины и ценностных коннотаций, что она несет.

Из этих пяти примеров можно сделать одно общее заключение: базовая предпосылка картезианского скептицизма это разрыв между внутренним и внешним, где вещи мыслимые (*res cogitans*) не способны схватить вещи пространственные (*res extensa*). Отсутствие соединения между двумя полюсами приводит к скепсису в отношении достоверности, объективности и правильности воспринимаемого.

Напомним, базовый кантианский вопрос, как возможно познание чего-либо? Вокруг него вращаются примеры, благодаря которым более полно раскрывается суть кантианского скептицизма.

Восприятие. Мир предстает наблюдателя по-разному. Тем не менее, остается неизвестным, что во внешней среде стимулирует наши чувства таким образом, что она предстает в определенном виде. Если сказать более четко, то, как становится возможной эта видимость мира? Решение проблемы Кант видит в разработке априорных категорий.

Другие сознания. Кант переворачивает проблематику Декарта и не задается вопросом, насколько достоверно наблюдатель способен интерпретировать телесную экспрессию. Он фокусируется на устройстве передачи ментального состояния в телесные проявления отдельного субъекта. Кант задается вопросом, как становится возможным выражение человеческой души в физическом теле?

Язык. Мы говорим и это говорение представляется нашему собеседнику более или менее осмысленным. По крайней мере, на основе услышанного, у собеседника

формируется мнение о говорящем. Но что есть человеческая речь? Если опытный режиссер попробует замедлить диалог двух людей, то связный разговор разобьется на фрагменты отдельных звуков. Собственно здесь и кроется предмет интереса Канта: как настолько нечленораздельная последовательность знаков и шумов превращается в нечто осмысленное? Речь представляет собой разделенное множество некоторых сущностей, которые по непонятно причине становятся чем-то осмысленным.

Интенция. Кант ставит под вопрос не достоверность причины, побудившей субъекта к действию, а как вообще стало возможным, что в наших телесных выражениях мы ищем скрытые интенции, а не ищем первопричину в простых законах физического мира. Кантовский вопрос кроется в том, что наши телесные операции в какой-то момент становятся проявлением интенций. Как это стало возможным?

Искусство. Логика Кантовского рассуждения такая же, что и в предыдущих примерах. Возьмем для примера скульптуру Венеры Милосской. Это каменное изваяние, представляющее собой конфигурацию геометрических линий, набор отдельных частей тела (причем, без рук) каким-то непонятным образом превращается в произведение искусства и несет эстетическую ценность. Как этот материальный объект приобрел культурную значимость и начинал почитаться сначала древними греками, а уже потом современными искусствоведами?

Рассмотрение двух версий скептицизма в философиях Декарта и Канта было сделано в качестве предварительной работы к нашим последующим рассуждениям. Здесь важно обозначить несколько реперных точек. Так, Декарт со своим радикальным сомнением расколол мир на вещи мыслимые и пространственные. Тем самым, было разрушено средневековое схоластическое европейское представление о всеобщем единстве мира, созданного божественной волей. Отныне способность отдельного субъекта воспринимать внешний мир не могла гарантировать человеку достоверность и объективность увиденному. Всегда наблюдаемое можно было подвергнуть сомнению с помощью указания на его иллюзорность. Как итог, Декарт попал в пантеон классиков философии и оставил будущим интеллектуальным поколениям бесконечную работу по решению многочисленных эпистемологических вопросов, где главный – как достигнуть надежности описаний внешнего мира человеческим сознанием.

Кант, и в этом, на наш взгляд, его новаторство для истории философии, первым предпринял попытку решить картезианские парадоксы. Однако это привело к появлению кантианского скептицизма, выражением которого стало непонимание

того, как устроена способность познания внешнего мира. Из Критики чистого разума мы знаем, что человеческое сознание содержит набор определенных категорий, благодаря которым внешняя информация упорядочивается, сортируется и приобретает понятную для субъекта познания форму.

К Канту мы еще вернемся, но пока сосредоточим внимание вот на чем. Картезианский раскол вызвал формирование двух эпистемологических позиций. Баталии между ними привели к появлению витгенштейнианской философии, из которой и рождается скептический парадокс столь актуальный для социологии второй половины XX века. Очертим базовые различия между этими эпистемологическими подходами.

2 Реалисты versus Релятивисты

Не имеет смысла картографировать весь репертуар эпистемологических подходов в рамках противостояния реалистов и релятивистов. Для этого нам потребовалось бы написать отдельную работу. Действительно, количество известных интеллектуальных фигур, школ и попыток найти ответ на вопрос, как возможно достоверное знание о внешнем мире, столь велико, что для удобства изложения и формирования общего понимания, нам остается лишь коротко обозначить ключевые точки расхождения.

Согласно Дэвиду Блуру, релятивизм есть ничто иное, как установка, противоположная позиции видеть во всем полную и завершенную картину: «релятивизм – это отбрасывание абсолютизма» [8]. Истоки реализма, про который пишет Блур, следует искать в метафизике Аристотеля. Напомним, что греческий мыслитель полагал существование внешнего мира автономно от человеческого сознания. Однако отображение этого мира в сознании возможно благодаря нашим органам чувств. Мир есть слепок в душе, а органы чувств передает его таким, какой он есть. В последствие эта установка получила название метафизический реализм. Ее доминирование происходила вплоть до конца семнадцатого века. Ситуация начала быстро меняться по причине развития феноменализма Джорджа Беркли [9], кантовской идеи о конституирующем сознании [10], и революционной, по тем временам, эпистемологии Джамбаттиста Вико [11].

Радикальность идеи Беркли состояла в том, что нет никакого внешнего реального мира. Каждый человек является самостоятельным миром, в котором есть только ментальные сущности. Их конфигурация формирует представление о реальности, показывает мир таким, какой он видится нам. Кант пошел еще дальше и попытался разобрать механику того, как устроен процесс «схватывания» внешнего мира. Сразу оговоримся, что идея автономия человеческого сознания была ему чужда. Мир, проникая в человеческое сознание, упорядочивается априорными категориями (например, категориями времени и пространства) и предстает перед нами в виде объективной картины. Вико усилил и радикализировал кантовскую идею. Мир не просто «схватывается» и упорядочивается категориями, он конструируется или, скажем иначе, пишется и переписывается нашим сознанием [*Solus Ipse*]. То, каким мы видим мир, зависит от сознания и не более. Уже в двадцатом веке появились различные версии того, что запускает и поддерживает процесс конструирования.

Были предложены такие версии, как язык (Хомский), эволюционное развитие человеческого сознания (многочисленные представители эволюционной антропологии), психика (Пиаже) [12, 13, 14]. Но для наших рассуждений это не является принципиальным. Значение имеет лишь тот факт, что начиная с конца семнадцатого века метафизический реализм, правящий в умах большинства мыслителей, начал сдавать свои позиции вследствие наступления новых философских проектов.

Если сделать короткое резюме о различиях между реализмом и релятивизмом, то основное кроется в противоположностях аксиоматических оснований. Иными словами, реализм следует модальной логике, тогда как релятивизм или, мы отождествляем эти понятия, конструктивизм, опирается на рефлексивную логику.

На наш взгляд все напряжение между реалистами и релятивистами можно продемонстрировать на примере следующего пассажа из работы Хайнца фон Ферстера, представителя кибернетики второго порядка: «Моя задача выглядит более радикальной: уничтожить само понятие истинности, поскольку его употребление приводит к ужасным последствиям. Оно порождает ложь, она делит людей на тех, кто – как говорят - заблуждается»¹. По сути, Ферстер атакует «священный Грааль» метафизических реалистов – объективную истину, но цели у него самые благие: вменить этическую позицию тем, кто предлагает описание мира. Ферстера беспокоит тот момент, что отдельное описание может быть навязано другому, причем без всяких подтверждений насчет надежности этих описаний. Отсюда Ферстер прямо заявляет, что если по какой-то причине описания не согласуются с миром, то винить в этом стоит описывающего, а не сам мир. Если у ученого не получается воспроизвести эксперимент, то вопросы надо адресовать самому себе, а не условиям, в которых была совершена попытка. В конце концов, исследователь должен был правильно определить ситуацию, в которой будут совершаться его операции.

Реалисты также не могли молчать на нападки конструктивистов и инкрементировали им солипсизм. Гетхард Фоллмер иллюстрирует это на примере диалога между Реалиной и Одинаковым [15, 16]. Реалина сомневается в способности Одинакова видеть лишь исходя из собственных представлений:

« - Это мне напоминает один глубокомысленный фильм. Там некоторые логические цепи большого компьютера запрограммированы так, что принимают и

---

¹ Foerster H. von, Porksen B. (1998). Wahrheit ist die Erfindung eines Lügners. Gespräche für Skeptiker. Carl-Auer-Systeme Verlag, Heidelberg. Цит. по [12, с. 158].

себя и другие цепи за человеческих индивидов. И лишь компьютерным технологам известно, что эти цепи воображают в своей человеческой экзистенции.

- Да я знаю этот фильм. <...>. В конечном итоге и у компьютерных технологов закрадывается ужасное подозрение: не возможно ли такое, что и они – тонко запрограммированные логические цепи некоторого суперкомпьютера и что их мир – это всего лишь «Мир по проводам (таково название фильма), замкнутым внутри некоторого мета-мира?» [15, с. 68].

Реалиана пытается сказать Одинакову, что когда он полагается в отображении мира исключительно на операции своего сознания, то он полностью устраняет онтологическое основание мира. Логика рассуждений Одинакова здесь простая: раз наше сознание создает мир, то этот мир есть конструкция или простая игра человеческого воображения. Так и напрашиваются аналогии с фильмом «Inception», где главные герои перестают понимать, что их реальность является сном. Но, возвращаясь к двум оппонентам, элементарно существование земли, на которой стоит и спорит Одинаков, было научно доказано. Поэтому, как минимум есть отдельные прецеденты, которые нельзя отнести к результату работы воображения. А как же быть с самим Одинаковым? Он также может сказать, что он сам есть нечто воображаемое? Воображаемое, которое воображает окружающий мир?

Аргумент Реалины о том, что Одинаков может с полным правом также сомневаться в своем существовании был отбит Хилари Патнэмом. Сразу заметим, что реализм Патнэма не нужно отождествлять с метафизическим реализмом, так как «объекты не существуют независимо от концептуальных схем» [17, с. 73]. Патнэм предложил мыслительный эксперимент «мозги в бочке» и показал, что все, что говорят и пишут люди, когда утверждают будто это все происходит под воздействием «мозгов в бочке», не могут сказать, что «они мозги в бочке», пусть даже если эти люди действительно искренне верят, что они «мозги в бочке» [17, с. 22]. Доказательство Патнэм выводит через диалогический тест на компетентность Алана Тьюринга. Когда искусственный интеллект и человек ведут беседу, то всегда есть возможность появлений сбоев в употребляемых словах. Их смыслы могут быть неправильно проинтерпретированы одним из двух собеседников. Вполне допустима вероятность, что текст будет завершен вообще без использования слов. Патнэм идет по аналогии и считает, что беседа того, кто думает, что он «мозги в бочке» и того, кому такое не пришло в голову, может конституироваться без использования референций: «Это будет решающим шагом в процессе достижения заключения о том, что Обитатели

Мира Мозгов-в-Бочке вообще не могут указывать на что-либо внешнее (и тем самым не могут сказать, что они – Обитатели Мира Мозгов-в-Бочке)» [17, с. 24].

Выскажем собственную точку зрения относительно этого противостояния. Обвинять Ферстера и других адептов конструктивисткой позиции в релятивизме несколько странно. Прежде всего, тезисы о конструировании внешнего мира сознанием были сформулированы Ферстером на основе конкретных эмпирических исследований. Есть данные, подтверждающие, что конструктивизм сознания имеет место быть и когнитивная наука это доказала. Кроме того, конструктивистская позиция – это этическая позиция. Мир будет более честным и справедливым, если ученые будут нести ответственность за свои поступки. Наконец, Ферстер, отдавая дань интеллектуальной моде, парирует обвинения в солипсизме через мыслительный эксперимент «человек в котелке».

По улице идет опрятный джентльмен в черном котелке. У этого джентльмена раздвоенное эго, поэтому он считает себя единственным в мире, кто реально существует. Тем не менее, считает Ферстер, этот господин не будет отрицать способность представлять других джентльменов в котелке таких же, как и он. Тут и возникает парадокс. Вполне уверенно можно помыслить, что воображаемые джентльмены также могут считать себя единственно и доподлинно реальными. Однако они с полным правом могут считать джентльмена в черном котелке фантазией, как и он это делает в отношении их. Ферстер иронизирует над этой ситуацией и полагает, что она полностью абсурдна. Примерно в таком же духе Умберто Матурано и Франциско Варела обосновывали принципы аутопойезиса [18].

Аргументы Ферстера склоняют к тому, что видение метафизических реалистов насчет конструктивизма, не столь категоричны. Мы видим, что субъекты познания в определенной степени автономны в своей репрезентации внешнего мира, тем не менее, отображение мира не является результатом одного лишь воображения. Если бы познание опиралось на одни представления, то возникали бы поломки в их применении к реальности. Так, чтобы совершить действие исходя из определенного образа, нужно как минимум быть уверенным в том, что его носитель сможет совершить эту практическую операцию, как реально действующий, а не вымышленный субъект. Несмотря на все обвинения в радикальном конструктивизме, Ферстер, Варела, Матурана и другие не отменяют онтологической предпосылки существования мира.

Как бы конструктивисты в своей кибернетической версии не пытались преодолеть разрыв между миром и познающим субъектом, картезианский разрыв по-прежнему остается. Мы имеем человека, который пытается воспринимать окружающий мир посредством органов чувств, и имеем мир, который преломляется (искажается) через органы чувств, но при этом остается такими, какой он есть, не теряя своей онтологической предпосылки. Картезианский разрыв сокращается, но по-прежнему остается.

На наш взгляд, наиболее убедительную попытку окончательно преодолеть его совершил Людвиг Витгенштейн. Фигура Витгенштейна одиозна. Он предлагает не замечать эпистемических сложностей, и предпочитает сосредоточиться исключительно на практике. Цель у этого хода понятна – зачем вступать в бесконечный диспут, если можно определять процесс познания через то, как он совершается в действовании. Именно это решение оказало влияние на социальные науки и в конечном итоге привело к формулированию скептического парадокса в них.

3 Философия Витгенштейна и скептический парадокс

Предлагаем подумать о следующей ситуации. Наблюдатель внешнего мира пытается «схватить» его реальность. Как он делает это? Наблюдения проводятся благодаря различениям, после чего увиденное отображается в описаниях. В данном случае, различения есть ничто иное, как проговариваемые слова. Здесь обратить внимание стоит на два момента. Во-первых, слово несет в себе часть интенций говорящего. С другой стороны, согласованность произносимых слов с реальностью фиксируется исходя из того, принимает ли мир сказанное, или нет. Иными словами, не все, что говорится, может быть понято правильно окружающими. В любой момент слушатели могут подвергнуть сомнению сказанное. С какой бы стороны мы не подходили, базовым элементом между ними являются языковые средства. Элементарно нужно связывать слова, создавать из связок слов высказывания, в конце концов, необходимо задавать осмысленность всему проговариваемому. Мир предстает перед наблюдателем в веренице событий, в постоянно меняющейся комплексности, поэтому только язык способен как-то упорядочить все происходящее вокруг. Все что наблюдатель знает о себе и все, что он знает о потустороннем мире, может быть выражено исключительно благодаря языку.

Принимая во внимание эти предварительные соображения, в нашем распоряжении появляются теоретические инструменты, с помощью которых мы можем попытаться решить проблемы картезианского [что есть реальное?] и кантианского скептицизма [как возможно постижение реального?]. На наш взгляд, имеет смысл обратиться к философии Людвиг Витгенштейна. Преимущество этого хода видится также в том, что аналитическая философия Витгенштейна позволяет не скатиться в одну из крайностей: самореференциальность рационализма и диктатуру метафизического реализма.

Исследование философа, полагает Витгенштейн, должно стремиться увидеть то, что непосредственно перед глазами. Не нужно ломать голову над тем, чтобы схватить скрытую структуру всего происходящего или каузальности, определяющие динамику мира. От философа всего лишь требуется смотреть и видеть основания, которые на первый взгляд скрыты, но при этом их видно лучше всего: «Мы чувствуем себя обязанными *проникать в суть* явлений: наше исследование, однако, направлено не на явления, но, как могут сказать, на «*возможности*» явлений. Мы напоминаем себе, иначе говоря, о *типах высказываний* о явлениях. <...> Посему наше

исследование является грамматическим» (§ 90)» [19, с. 75]. Все что происходит, поддается лексической обработке. Для большинства это настолько очевидно, что вопрос, почему об этом говорится именно так, а не как-то иначе, даже не ставится. Хорошую аналогию здесь можно провести с метафорой фигуры и фоны, которая столь популярна у гештальт-психологов. Перед наблюдателем черный квадрат на белом фоне. Его очертания в наибольшей степени постигаются органами чувств наблюдателя, тогда как фон не попадает отчетливо. Между тем, только благодаря наличию фона, черный квадрат воспринимается так ярко. Для сознания наблюдателя, фон остается вспомогательным средством квадрата, а не полноценным элементом, благодаря которому формируется полная картина увиденного. Грамматическое исследование как раз направлено на то, чтобы вскрыть невидимое в видимом. Постичь незримое в зримом – такова основная задача философии позднего Витгенштейна.

Смысл всего, что говорится, становится возможным из-за правил, регулирующих употребление слов и концептов: «Значение слова есть способ его употребления. Ибо этот способ и есть то, что мы усваиваем, когда данное слово впервые входит в наш язык. Вот почему существует соответствие между понятиями «значение» и «правило» (§61 - 62)» [20]. Для каждого языка характерен набор определенных грамматических правил, благодаря которым происходит фильтрация осмысленного от бессмысленного. Однако не стоит здесь возлагать огромных надежд. Грамматика языка не даст ответы на все тайны употребления слов. Ее миссия скорее описательная, а не объяснительная. От философа, проводящего описательный анализ нужно не задаваться вопросом о внутренних интенциях, побудивших говорить именно так, а не иначе. Скорее его должно волновать, как используемые языковые средства обусловлены тем контекстом, в котором они совершаются. Забегая вперед, отметим, что применительно к нашим рассуждениям о скептическом парадоксе в социологической плоскости понятие контекста будет играть важную роль.

Наиболее полное резюме по грамматике языка в философии Витгенштейна сделал Ганс Глок. Прежде всего, грамматика языка автономна, как следствие не зависит и не несет ответственности за нелингвистическую сферу [21, р. 47]. Этим Витгенштейн хотел показать, что осмысленность слов конституируется внутренней логикой языка, а не какими-то внешними обстоятельствами. По сути, данный тезис является следствием соображений, высказанных Витгенштейном в *Логико-философском трактате* относительно общей пропозиционной формы: «Ясно, что все то, что может быть сказано заранее о форме всех предложений вообще, может быть

сказано за один раз (aufeinmal). Ведь все логические операции уже содержатся в элементарном предложении» (§5.47) [22]. Что такое общая пропозиционная форма? По сути, она выступает общим знаменателем для всех отдельных утверждений. В концепции Витгенштейна, существует логический синтаксис, который предшествует любому высказыванию. Аргументом может быть тот факт, что в мире сосуществует множество индивидов, являющихся носителями собственных языков. Однако это разнообразие не приводит к беспорядку. Благодаря общей пропозиционной форме (единому логическому синтаксису) между людьми достигается взаимопонимание.

Обоснование роли грамматики языка в употреблении слов может привести к преждевременному выводу о независимости языка и его полной автономии. Подчеркнем, речь идет именно о языке, а не о его грамматике (согласно философу, именно она обладает автономией). Но это не так. Собственно этот сюжет приводит к многочисленным истолкованиям философии Витгенштейна. Грамматика обеспечивает укомплектование мира в связную картинку, но она не согласуется с реальностью (§371-373) [19, с. 178-179]. Реальность способна давать отпор языковой грамматике. В этой связи, будет неуместным полагать, что смыслы формируются исключительно грамматикой. Смыслообразование обеспечивается, как грамматикой, так и сопротивляемой реальностью внешнего мира. Наличие осмысленности высказываний определяется исходя из подхожимости (адаптированности) языковых правил к миру.

Следуя далее за Глоком, мы приходим к выводу, что грамматика языка парадоксальна по своей природе. Все, что мы говорим и даже, когда говорим о языковых правилах, становится возможным благодаря этому самому языку: «Отсюда обосновать грамматическое правило можно только посредством приведения пропозиции» [21, р. 47]. Парадоксальность в том, что и эта пропозиция подчиняется определенному языковому правилу. Таким образом, грамматика имеет автономию и самодостаточность. Однако она не может оставаться «вещью в себе», поэтому проявляется в языке. Тем не менее, актуальным остается вопрос: способны ли грамматические правила оставаться универсальными и применяться из раза в раз, особенно в ситуации, когда идет разговор об этих грамматических правилах?

Из рассмотренного нам следует вынести главное – несмотря на то, что фундаментом любого языка, его общей пропозицией, являются грамматические правила, не стоит думать, что они фиксированы раз и навсегда. Они способны к модификациям в зависимости от контекста, в котором выражается та или иная

языковая форма. Для большего понимания сказанного, предлагаем разграничить два аспекта языка: правило, которому подчиняется некоторое высказывание и сам акт говорения на определенном языке. Аналогом этого различения в социологии повседневности выступает различие между языком (грамматика) и речью (дискурс). На данном этапе оптимальным будет придерживаться философской терминологии. Поэтому применительно к указанному различению допустимо деление на аналитические и синтетические суждения.

Различение на аналитические и синтетические суждения оказало большое влияние на Витгенштейна. Впервые оно появляется в философии Канта (что служит дополнительным аргументом по поводу влияния кантианства на аналитическую философию Витгенштейна). Коротко рассмотрим специфику этого различения. Между субъектом и предикатом суждения возможны две вариации отношений: «Или предикат *B* принадлежит субъекту *A* как нечто содержащееся (в скрытом виде) в этом понятии *A*, или же *B* целиком находится вне понятия *A*, хотя и связано с ним» [10]. Первым случаем отношений являются аналитические суждения, вторым – синтетические суждения. При аналитических суждениях предикат возникает с помощью понятия субъекта благодаря тождественности. За счет этого то, что кажется интуитивно близким, становится осмысленным. Отсюда можно сделать вывод, что отсылка к тождественности (к закону) свидетельствует об априорности аналитических суждений. Принципиально по-другому должны быть рассмотрены синтетические суждения. Их статус обретает понятную форму в момент референции к феноменам мира. В данном случае, то, как устанавливаются отношения между субъектом и предикатом, диктуется не логикой, а их актуальностью относительно внешних явлений. Поэтому, полагает Кант, синтетические суждения должны генерироваться эмпирическими науками. Витгенштейн заимствует кантовское различение и конвертирует его в различение между грамматическими и эмпирическими утверждениями.

Итак, мы совершаем высказывания о мире с помощью языковой грамматики, однако это проявляется по-разному. Один человек может говорить уничтожительно, второй – пренебрежительно. Тем не менее, и тот и другой пытаются сказать одно и то же. Возьмем более конкретную иллюстрацию. Допустим, что *X* восклицает «Толстый!». Что он хотел этим сказать? Возможно, *X* видит вдалеке своего старого приятеля и произносит его прозвище. Или *X* держит в руках бургер и таким образом выражает свое отношение к его величине. А может быть он стоит перед зеркалом, в

котором отражается его фигура, и в сердцах восклицает. Чтобы дать какой-то осмысленный ответ, следует обратить внимание на то, при каких обстоятельствах произносится слово «Толстый!». Все предлагаемые ситуации являются языковыми играми: «Но сколько существует типов предложения? Скажем, утверждение, вопрос и приказ? – Нет, их *бесчисленное* множество: налицо бесконечное разнообразие способов употребления того, что мы называем «символами», «словами», «предложениями». <...> Здесь термин «языковая игра» призван выразить то обстоятельство, что говорить на языке означает действовать, то есть форму жизни» (§23) [19, с. 30].

Во время языковой игры появляется осмысленность в используемых словах и предложениях. Если так происходит, то указывает на согласование языковой грамматики и реальности. Но это только одна сторона медали. В момент словоупотребления эмпирическая пропозиция проходит тест на правильность или ошибочность своего применения. Причем тестирование происходит из раза в раз в зависимости от конкретной ситуации, где используется языковая форма. Витгенштейн указывает, что два типа пропозиции способны взаимно напрягать друг друга точно также, как грамматические правила контрастируют языковым формам (§622) [20]. Когда мы ранее упоминали, что смысл слов и суждений лишь частично обусловлен грамматикой языка, то, с другой стороны, подразумевали реальность внешнего мира, к которой эти слова и суждения подходят или нет.

Главное, что нам необходимо вынести из предыдущих рассуждений, это то, что грамматические правила языка не устанавливаются раз и навсегда. Отсюда второй вывод: понятие истины не должно быть тождественным языковому правилу: «правила не отображают реальности именно потому, что они не могут говорить об истине или о лжи» [21, р. 368]. Использование или неиспользование грамматики автоматически не предполагает обоснование правильности или неправильности, используемых высказываний. Грамматика помогает упорядочивать слова так, чтобы собеседника поняли. Причем их значение проходит проверку в том контексте, в котором эти высказывания произносятся. Именно из этого соображения вытекает парадокс следованию правилу [23]. Наиболее четко он был эксплицирован Солом Крипке.

Согласно Крипке, парадокс следованию правилу – это продолжение классической проблемы об обуславливании физических действий правилами. Возвращаясь назад, этот парадокс есть осколок проблемы картезианского и кантианского скептициста о соотнесенности интенций и производимых действий.

Суть парадокса в том, что, несмотря на то, что мы полагаемся на определенное правило, и оно из раза в раз нас не подводило, то нет никакой гарантии, что так будет всегда. Не исключена вероятность, что в некоторой ситуации, это правило перестанет работать. По мнению Крипке, Витгенштейн выходит из этой ситуации за счет социально-конструктивистского обоснования человеческого поведения. Данное утверждение обрушило на Крипке серьезную критику от сторонников иного прочтения Витгенштейна [24, 25, 26, 27].

Предметом спора между Крипке и его критиками становятся замечания Витгенштейна, изложенные в параграфах 143-242 *Философских исследований* [19]. Напомним, что в них излагается пример с рядом чисел. Допустим, наш знакомый кладет лист бумаги и записывает на нем последовательность чисел: 1,2,3,4,5. Затем он просит продолжить этот ряд. Что следует написать после цифры «5»? Здравый смысл и подразумеваемая логика подводят к тому, что за цифрой «5» следует писать «6». Однако для Витгенштейна это совсем не очевидно. Почему, к примеру, нельзя написать число «5,5» или «5,99»? Его тезис в том, что у последовательности возможны различные варианты продолжения: «Наш парадокс был таким: ни один образ действий не мог бы определяться каким-то правилом, поскольку любой образ действий можно привести в соответствие с этим правилом. Ответом служило: если все можно привести в соответствие с данным правилом, то все может быть приведено и в противоречие с этим правилом. Поэтому тут не было бы ни соответствия, ни противоречия» [19 § 201]. Но каким образом происходит сонастроенность между последовательностью действий и правилами? Ответ будет более понятным, если мы перейдем из области математики в сферу дискурса.

Между языком и математикой много общего. Мы производим последовательность слов, создаем из них конструкцию высказывания, но при этом только гипотетически можем считать, что проговариваемое будет понято соответствующим образом правильно. И математик и простой спикер играют в языковую игру, причем, в каждом случае с собственными правилами. Рассмотрим следующий пример. Допустим, на уроке географии ученики получили от учителя задание раскрасить атлас. В нем есть набор различных карт: геополитическая, карта месторождений углеводородов, карта флоры и фауны. В каждом случае принята определенная система обозначений. Более того, карты репрезентируют одну и ту же территорию (пусть это будут карты территории Российской Федерации), но по-разному. Итак, один из школьников начинает раскрашивать карту с месторождениями

углеводородов. Месторождение газа Бованенково он маркирует, как ▲ (обозначение месторождения нефти), а там, где расположено нефтяное месторождение, ставит значок Δ (обозначение месторождения газа). С чувством выполненного долга школьник заканчивает работу и на следующий день сдает ее на проверку учителю. Учитель, в свою очередь, обнаруживают, что ученик перепутал обозначения нефти и газа, поэтому делает письменное замечание. При личной встрече со школьником он проведет работу над ошибками и еще раз объяснит, что месторождение газа следует обозначать как Δ, а месторождение нефти - ▲. Формат работы над ошибками есть ничто иное, как языковая игра, в которой учитель объясняет, в чем заключается ошибка, а ученик пытается правильно интерпретировать это объяснение, сделать правильные выводы и впредь ее не допускать.

Правильно интерпретировать учителя означает поступать так, как принято в сообществе, где находится ученик: «Ребенок учится тому, что верит взрослому. Сомнения приходят после веры. Я очень многое выучил и принял, доверившись авторитету людей, а затем многое нашло подтверждение или опровержение в моем собственном опыте» [20 §160 – 161]. В сообществе есть конвенция обозначать месторождения нефти и газа именно так, а не как-то иначе. За этот тезис держится Крипке, когда предлагает собственное решение скептического парадокса. Таким образом, последовательность счета зависит от соглашений, принятых в сообществе. Эти конвенции передаются в процессе социализации конкретного индивидуума в определенной социальной среде [28, с. 121].

Аргумент о фигуре «незримого сообщества» перенимает Дэвид Блур для развития сильной программы социологии знания, тем самым еще больше усиливая социологистское прочтение скептического парадокса Витгенштейна.

Дэвид Блур внес серьезный вклад в рецепцию идей Витгенштейна [28]. Блур утверждает, что понимать Витгенштейна надо через социальную теорию знания. Несмотря на то, что нет прямой преемственности между Витгенштейном и социологической классикой, Блур проводит параллели с социологизмом Дюркгейма. Философ видел свою цель в проведении грамматического исследования. По мнению Блура, этот подход способен быть актуален и для эмпирических исследований.

В своих усилиях, полагает Майкл Линч [29, с. 160], Блур заходит слишком далеко, поскольку стремится подменить «вымышленную естественную историю реальной естественной историей и воображаемую этнографию реальной

этнографией» [28, р. 5]. Этот эмпирический посыл выливается в сильную программу социологии знания. Коротко сделаем обзор ее основных тезисов [30]:

Во-первых, социология знания должна быть каузальной. Ей необходимо фокусироваться на условиях, которые формируют определенное знание и представления. Сильной программе необходимо объяснить, к примеру, как сложилось такое положение дел в медицинской науке, что стала возможным открытие кровеносной системы Гавеем.

Во-вторых, социология знания не должна питать пресуппозиций относительно истинного и ложного, рационального и иррационального. И провал, и научный успех в одинаковой степени будут требовать объяснения. Причем в основу этого объяснения заложены единые методологические принципы.

В-третьих, объяснение должно быть симметричным. Одни причины могут объяснять, как истинные, так и ложные представления. Классическая, мертонианская социология науки базировалась на том, что объяснение распространяется только на факты, которые признаны достоверными. Например, если сейчас достоверно известно, что птолемеяевская объяснительная модель была ошибочной, то классический социолог науки мог вообще не искать объяснение этой системы представлений или предлагать описание, которое бы объясняло, почему сложилась такая неправильная система мышления.

В четвертых, от социологии знания требуется быть рефлексивной. Та объяснительная модель, которую она использует, должна быть применима к ней самой. Логика такая же, что и с принципом симметрии. Объяснения должны быть универсальными, по крайней мере, такие нужно искать. Если это не происходит, то социология опровергает свои собственные теории.

Эти тезисы стали объектом многочисленной критики [31, 32]. Если каузалистский принцип не получил распространения в социологии знания, то тезисы Блур о беспристрастности и симметрии были одобрены в дисциплинарном сообществе. Прежде всего, это касается конструктивистских и дискурс-аналитических исследований. Даже если делать поправку на то, что далеко не все представители социологии научного знания солидарны с Блуrom насчет обусловленности знания социальными интересами, его притязания на поиск истины и обуславливающих ее условий воспринимались, в целом, положительно. Дюркгеймианский лейтмотив сквозной линией проходит через блуровскую проработку Витгенштейна. Скажем больше, Блур социологизирует Витгенштейна.

Постулируя тезис о сообществе, которое детерминирует слова и действия своих членов, Блур отводит аналитическую философию Витгенштейна от грамматического исследования к эмпирическому исследованию.

Таким образом, Блур и Крипке предлагают экстерналистское прочтение скептического парадокса. Правилам следуют в зависимости от социального контекста, в котором оно прочитывается и применяется. Контекст выражает определенную форму жизни. Существует множество вариаций форм жизни. Главное понимать, какие негласные конвенции и нормы ее определяют. Заслуга Блура и Крипке в том, что они «слепили» нового Витгенштейна и показали его социологам. Однако нашлись и те, кого такая работа в корне не устроила. Более того, по их мнению, Блур и Крипке ушли от настоящего Витгенштейна и вульгаризировали его.

4 Интерналистская критика социологического прочтения Витгенштейна

Ряд критиков обратили внимание, что Крипке фундаментально неправильно интерпретирует Витгенштейна: «Совершенно не будучи скептиком, Витгенштейн с самого начала и всегда ставил перед собой задачу ... опровергнуть скептическую позицию, продемонстрировав ее бессмысленность. Потому что сомнение существует только там, где существует вопрос, вопрос – только там, где существует ответ, а ответ – только там, где что-то можно сказать» [27, р. 4]. По мнению Шенкера, Крипке работает с Витгенштейном в рамках эпистемологических баталий между метафизическими реалистами и релятивистами. На самом деле, полагает Шенкер, Витгенштейн никогда не ввязывался в это противостояние. Его интересовали иные вопросы, а не бессмысленные дебаты. Если эта предпосылка верна и Витгенштейна не стоит причислять ни к одному из эпистемологических лагерей, - тогда прочтение скептицизма Блур и Крипке не имеет под собой оснований [27, р. 4]. Пример с последовательностью чисел, на самом деле, призван продемонстрировать, что правило не является квазиобъектом, абстракцией, сгенерированной ментальными процессами. Витгенштейн хочет уйти от этой детерминистской картины, чтобы сделать акцент на практических механизмах следования правилам [27, р. 17-18].

Что делают экстерналисты? По сути, они отделяют формулировку правила от той практики, в которой оно воплощается. Связь нарушается: содержание правила отдельно, его применение отдельно. Любое правило, если следовать за Блуrom и Крипке, не находится следствием этих же самых правил, примененных ранее. Каждая ситуация предполагает модификацию правила в соответствии с определенной формой жизни. Ведь нельзя исключать, что даже самая тщательная проработка правила, в следующий раз окажется неверно проинтерпретированной. Если возникают искажения, то трактовка скептицизма экстерналистами очень удобна. Благодаря ей появляется возможность объяснить любую погрешность такими причинами, как сбои в коммуникации, социальными и экономическими конвенциями, политическим порядком, психологической или генетической предрасположенностью. Шенкер проблематизирует эти объясняющие причины следующими вопросами: Какова механика установления конвенций? Как соотносятся биологические особенности и социальная коммуникация? В конце концов, как проследить преемственность между поведением и различными институциональными порядками?

Но какой аргумент пытается отстоять Шенкер? Ответ простой: Витгенштейна следует прочитывать буквально и не искать «скелетов в шкафу» там, где их нет и никогда не было. Сфокусироваться нужно на «грамматике». Вменять релятивистскую эпистемологическую позицию Витгенштейну в корне не верно. Его грамматическое исследование призвано посмотреть на старый и бессмысленный спор под новым ракурсом, тем самым обойдя его. Согласно Шенкеру, Витгенштейн не стремился подорвать объективность. Все что он хотел – это ответить на вопрос «в каком смысле математическое знание может быть названо объективным?» [27, р. 62]. Причем, и это необходимо особо подчеркнуть, определение смысла знания не подразумевает аксиоматическую доктрину о том, что любое знание объективно и дано нам раз и навсегда. Шенкер не считает, что имманентная связь между счетом и действием, исходя из этого счета, позволяет со всей определенностью распространять эту практику на новые случаи подсчета. Здесь нет проблемы, поскольку алгоритм счета из раза в раз повторяется. Изменяются полученные значения, но не сама механика того, как надо считать. Тем более, выглядит абсурдным поиск биологических и социальных моделей объяснения практик сложения, вычитания, умножения, деления etc.

Еще одно направление критики экстерналистского прочтения скептического парадокса развивают Бейкер и Хакер [24]. Они фокусируются на том, что можно обозначить «перспектива видения сообщества»: сообщество формирует представления и взгляды, сквозь которые задаются поведенческие паттерны. К примеру, сообщество в кибуце задает нормы, которые регламентируют, что является истинным, а что таковым не является для ортодоксального иудея. В сообществе происходит различие на истинное и неистинное знание. Бейкер и Хакер недоумевают от этого соображения. На самом деле, истинность утверждения проходит проверкой миром. Если научный факт получает подтверждение в своем применении, то имеет смысл говорить о его достоверности и объективности. Сообщество же, в свою очередь, устанавливает согласие относительно значения, но не истины.

Многие отмечают, что нападки Бейкера и Хакера на «видение сообщества» превращается моментами в фанатизм, из под которого исчезает надежно ядро аргументации. Так, Малькольм [33, р. 5–28] утверждает, что яростная атака на сообщество удаляет идею Витгенштейна о том, что правило воплощается при наличии согласованности в поведении людей. Атака на роль сообщества в человеческом

поведении приводит к другой крайности – индивидуализму человеческой практики. Малькольм предлагает не идти без оглядки в нападение на идею сообщества, а более внимательно сосредоточиться на концептах «молчаливого согласия» и «консесуальности действий»: «На мой взгляд, вполне очевидным кажется, что Витгенштейн на самом деле говорит, что концепт следованию правилу «социален по своей сути» - в том значении, что его основанием может быть конкретная ситуация, в которой находятся люди, проживающие вместе и разговаривающие на одном языке» [33, р. 23].

Несмотря на всю энергетику своей критики, Бейкер и Хакер приводят несколько серьезных доводов против экстерналистов, которые имеет смысл сейчас воспроизвести. Итак, сначала следует разобраться с самой постановкой вопроса. Вопрос «Как правило, будучи объектом, влияет на множество человеческих действий?» сам по себе неправильный. В такой формулировке правило представляется сторонним к непосредственному действию. Будто правило никак не связано с действием. Не нужно специально разделять правило и правилоприменение. Всего лишь нужно исходить из утверждения, что существует «изначальная связь» между ними. Тогда не придется говорить о математических правилах отдельно от практик счета. Следуя этой линии аргументации, большая эпистемологическая загадка – правило определяет практику или практика определяет правило – исчезает. Бейкер и Хакер иронизируют: «Каким образом определяет это как свое определение?» имеет не больше смысла, чем: «Как эта сторона монеты определяет другую сторону как себе противоположную?» [24, с. 151].

Малькольм считает, что под правилом нужно понимать только то, что можно применить к ситуации молчаливого согласия [33, р. 9]. Если по какой-то причине согласие отсутствует, то и правило работает от случая к случаю. Отсюда нужно постоянно уметь подстраивать правило, «чинить» его для каждой конфигурации обстоятельств: «Такая настройка осуществляется в пределах и в качестве самого порядка действий, которые уже имеются в момент формулирования, зримого нарушения, игнорирования или очевидного следованию правилу. Изложение правила или порядка – составная часть этих действий, а не отдельный каузальный агент, воздействующий на них» [29, с. 168]. На этой цитате стоит задержаться.

В момент совершения действия формируется локальный порядок. За счет чего это становится возможным? За счет непрерывной актуализации правила. Его применимость становится очевидной благодаря отсутствию нарушений в

последовательности локальных практических актов. Непрерывная актуализация правила задает порядок действия, но сама эта актуализация возникает вновь и вновь только тогда, когда есть устойчивый каркас практических действий. Иными словами правила конституируют порядок, но это становится возможным, когда конституируемое определяет динамику правилприменения. Правила создают порядки, но при этом в такой же степени зависят от них. Скажем более метафорично – это две стороны одной медали.

Из аргументации Бейкера и Хакера нам следует вынести два основных вывода. Во-первых, платоническая идея, объясняющая практики счета не работает. Математика и ее категории не абстрактные элементы, парящие где-то в мире формальной логики и определяющие то, как математик или простой ученик второго класса должен проводить умножение два на два. Во-вторых, не нужно искать каузальность между правилами счета и различными детерминистскими причинами: социальной ролью, этничностью или генетикой. Что же это все означает для социологов, получивших инъекцию сильной программы Блура.

Фокус в том, что блуровский Витгенштейн с социально-обусловленными практиками счета захватывает святая святых представителей точных наук – объективность и истину. Получается, что для того, чтобы уметь считать двойками, человек должен быть резидентом определенного сообщества: математиков института имени Стеклова, класса общеобразовательной школы X и т.д. Когда школьник допускает ошибку в правиле сложения двойками, то не надо вести речь о произвольности его действий, вызванной слабой солидарностью с сообществом. В данном случае, скорее нужно констатировать подчинение школьником какому-то другому правилу. Кроме того, беспроblemное актуализирование правила сложения двойками есть те же операции, но уже других школьников, не требующих дополнительных обоснований извне. Данное правило сформулировано для операции сложения двойками, в границах сложения двойками и исключительно для того, чтобы складывать одну двойку с другой. Не нужно изымать правило из одного сложившегося порядка и помещать его в иной. Тоже самое касается смысла правила.

Таким образом, интерналистская критика Шенкера, Бейкера и Хакера почти не оставляет маневров для развития блуровской интерпретации Витгенштейна. Математикам и физикам мало дело для объяснений социологов, хотя некоторые находят их вполне забавными. Бруно Латур высказывается по этому поводу в свойственной ему манере: «Но где нам взять понятия, слова, инструменты, которые

сделают наше объяснение независимой от изучаемой науки? Должен признать, устойчивого набора таких понятий не существует, особенно в так называемых гуманитарных науках, в частности – социологи. Социология, изобретенная в тот же самый период и теми же самыми людьми, которые изобрели сциентизм, не способна понять навыки, от которых она была так долго изолирована. Поэтому о социологии наук я могу сказать: «Храни меня от друзей, я лучше буду иметь дело с врагами», потому что если мы поставим перед собой цель объяснить науки, то вполне может статься, что первыми пострадают наук социальные» [34, р. 9].

Несмотря на убедительную силу антискептицистского аргумента, нам нужно как-то пояснить замечания Витгенштейна насчет обычаев, обучения, совместной человеческой практики. Проблема, которую не замечает Блур, состоит в том, что социологическая модель объяснения распространяет свою методологию и лексику на законы логики и естественные науки. Блур пишет: «Математика и логика – это наборы норм. Логика и математика имеют тот же онтологический статус, что и институт. Они социальны по своей природе. Из этой идеи прямо следует, что деятельность вычисления и вывода может исследоваться тем же самым способом и проясняться с помощью тех же самых теорий, как и любая совокупность норм» [35].

Ирония критиков Блура состоит в том, что принципы социологии знания могут быть также применены к самой реалисткой социологии, которая только может быть. Так, исследователи Питер Уинч [36] и Уэс Шэррок отмечают, что наследие Витгенштейна ставит под сомнение легитимный статус социальных наук в принципе. Речь идет не только о социологии научного знания, но и о таких явлениях социальной жизни, как ритуальное паломничество, организационные конфликты и повседневные практики. Однако есть те, кто считает, что нужно прямо следовать за Витгенштейном и не искать или домысливать отсутствующее в его работах. В принципе, нет ничего зазорного в теоретическом синтезе «позднего» Витгенштейна и социологизма Дюркгейма с концептуализациями социальных антропологов (в данном случае, с теорией практик Мэри Дуглас). Именно такой точки зрения придерживаются этнометодология.

5 Этнометодологическое прочтение скептического парадокса

Майкл Линч предпринял попытку не вплетать идеи Витгенштейна в противостояние между экстерналистами и интерналистами (иногда их еще называют неointерналистами) [29]. Линч предлагает сфокусироваться на особом этнометодологическом подходе к языку и действиям, что, в конечном счете, позволит обойти сложности социологического и эпистемологического скептицизма. Чтобы это стало более понятным, необходимо разъяснить аргументацию Гарфинкля и Сакса насчет связи «формулирования» с практическим действием. По мнению Линча, именно в таком ракурсе следует правильно понимать Витгенштейна.

В основополагающей статье «О формальных основах практических действий» [37] Гарфинкль и Сакс рассматривают отношение этнометодологии к естественному языку. В этой работе лишь коротко затрагиваются идеи Витгенштейна. Более развернуто они излагаются в одной из лекций Сакса. В частности, Сакс замечает, что философия Витгенштейна стала *sue generis* детонатором для проблемы референции «индикаторных терминов» (в тезаурусе Гарфинкля – «индексальные выражения»). Индикаторные термины были настоящей головной болью для логиков. Обычно они решали эту проблему через введение пространственно-временных характеристик для каждого случая употребления этих терминов. Иными словами, когда кто-то использует слово «здесь», то необходимо было сделать автоматическое приписывание к конкретному названию места. Основная сложность заключалась в том, что постоянно возникала путаница с тем, что подразумевается под «здесь». «Здесь» - это какая-то географическая точка, конкретный адрес или то и другое вместе? Ответ Сакса – индикаторные термины выступают стабилизаторами дискурса. Их использование часто несет эмоциональную нагрузку и осмысленность без конкретной референции к тому, на что они указывают.

Большая часть совместной статьи Гарфинкля и Сакса посвящена «формулированию». Сама формулировка содержит большое количество компонентов: имя, определение, дескрипцию имени, объяснение и буквальное воспроизведение правила. Дилетанты и профессионалы используют «формулирование» для того, чтобы прояснить точный смысл практик. Собеседники часто обращаются к формулировкам с целью снять напряжение разворачиваемой ситуации: «Ты спрашиваешь?», «Ты хочешь, чтобы я первый позвонил ей?», «Я уже

отвечал на этот вопрос, но повторю еще раз», «Не тяни кота за хвост! Говори как есть!». Тем не менее, Гарфинкль и Сакс всячески отрешиваются от ярлыка изобретателей метаязыка. Они всего лишь хотят донести следующее: 1. Что проявление «объяснимо рациональных действий» может совершаться и идентифицироваться субъектами действия без обозначения данного факта; 2. «невозможно предоставить однозначные формулировки действий и контекстов» [37, р. 359].

Касательно первого пункта Линч замечает, что он соотносится с соображениями Бейкера и Хакера: «Как правило, объяснения благодаря примерам предполагают использование дополнительных примеров в качестве формулирования правила. К примеру, очевидные примеры выступают применениями объясняемого правила ни чуть не больше, нежели остенсивное определение «красного»... Формулирование правила само по себе должно использоваться определенным образом, в роли канона правильного употребления» [25, р. 83]. Именно через примеры формулируются правила. Благодаря им оно становится транспарентным и понятным для слушателей. Можно ограничиться парой тройкой примеров и не эксплицировать правило в формальном ключе. Этого будет вполне достаточно для понимания. На этом месте, как считает Линч, находится базовое различие. С одной стороны, Сакс и Гарфинкль выделяют «формулирование», то есть устное проговаривание того, что делается. С другой стороны, необходимо иметь ввиду «делание», то есть непосредственно совершаемое действие. На стыке двух понятий возникает тезис: формулирование не автономно относительно формулируемых или действий, при этом, при их отсутствие, действия не превращаются в сумбурные и хаотичные. Наоборот, процитируем Линча: «смысл и адекватность любой формулировки неотделимы от порядка формулируемых ею действий» [29, с. 173].

Интерпретация понятие «формулирования» в теоретическом словаре Гарфинкля и Сакса может быть подвержена двум ошибкам. Во-первых, не стоит истолковывать этот термин с позиций скептика, для которого попытка определить действие натывается на проблему «индексальности», то есть конкретных обстоятельств, где разворачивается действие. Во-вторых, не следует уподобляться реалисту, который предлагает изучать формулировки эмпирическим путем с целью достигнуть объективного понимания человеческих практик. При более пристальном рассмотрении точки зрения Гарфинкля и Сакса, становится видно, что два способа интерпретации «формулирования» в корне неверны.

Когда Гарфинкль и Сакс утверждают «невозможность» презентации однозначной формулировки, тем самым они расшатывают собственное утверждение об объективности и индексальности выражений. Они твердо уверены, что формулирование не детерминирует осмысленность действий. Формулирование есть индексальное высказывание, которое в момент проговаривания становится причиной «сущностных жалоб, промахов, затруднений и рекомендуемых исправлений» [37, р. 353]. Однако формулирование не является также механизмом, очищающий дискурс от противоречий. Формулирование может играть «злую шутку» в диалоге, когда любая «починка» текста или разговора может приводить к еще большей индексальности. Знаменитые эксперименты Гарфинкля это подтвердили [38]. В результате Гарфинкль и Сакс приходят к следующему выводу: «... для члена делание [того, что наши дискурсивные действия являются рациональными], заключается не в работе формулирования этого делания разговора. Эти два типа активности не одинаковы и не взаимозаменяющие» [37, р. 355].

Но Линч предлагает обратить внимание на далее идущий отрывок: «Можно сказать, делание формулировки разговора показывает общающимся ориентир на [факт, что дискурсивные практики являются рациональными]» [37, р. 355]. Эта точка зрения контрдикторна конструктивистской позиции, поскольку человеческие действия непонятны до тех пор, пока не будет предложена убедительная интерпретация смысла. Линч особо акцентирует внимание на том, что такое объяснение не должно быть приравнено к реалистской позиции. Еще раз процитируем Гарфинкля и Сакс: «Понимание того, что совершает тот, кто делает формулирование, - членский вопрос, который решается членами не с помощью обращения к тому, о чем эта формулировка, а через практики, которые приписывают действию формулировки сущностно контекстуированный (contexted) характер» [37, р. 355].

Отсюда следует, полагает Линч, что когда происходит сложение двойками, полноценное формулирование этого действия невозможно. Если говорить более конкретно, то ни одна формулировка не объяснит, как распространять это правило на новые случаи сложения двойками. Буквальное цитирование правила, в данном случае, тоже не поможет, так как оно является отдельной и самостоятельной практикой. Квинтэссенцией этих рассуждений является следующий вывод Линча: «Смысл правила «сущностно контекстуируется» упорядоченной деятельностью, в рамках которой оно привлекается, выражается, применяется и т.д.» [29, с. 175]. Но при этом не следует подозревать субъектов действия в ошибочности их практик, считать, что

их деятельность лишена рационального основания: «члены делают [тот факт, что их делание объяснимо рационально] ..., без особой потребности производить формулировки» [37, р. 359].

Таким образом, этнометодологическое прочтение скептического парадокса позволяет проследить связь между действиями и их формулировками не с позиций метафизического реализма, ставящего истину или истинность и ложность высказываний превыше всего. Этнометодологическое прочтение позволяет рассмотреть формулирование и действие через конкретные шаги практик в ходе временной последовательности. В скептическом прочтении *a la* Блур за основание берутся психологические или социальные факторы, благодаря которым возникает обоснование транслировать применение правила на новые кейсы. В нескептицистской версии правило отражает упорядоченную деятельность, по ходу которой оно воплощается. Правило актуализируется в деятельности в той степени, в какой порядок в ней уже присутствует, а актуализация этого правила делает порядок еще более осознанным и значимым.

Разница между скептицистским и нескептицистским прочтением станет еще больше понятной, если рассмотреть замечания Блура [39] насчет этнометодологического исследования работы математиков Левингстоном [40]. В частности, Блур видит несколько принципиальных возражений между ним и Левингстоном.

Прежде всего, Блура не устраивает то, что Левингстон почти не ссылается на Витгенштейна. Майкл Линч по этому поводу делает поправку – да, ссылок нет, но аргументы Левингстона чисто витгенштейнианские [29, с. 177]. Блур пишет, что создание математических истин есть ни что более, кроме как черчение мелом на деревянной доске [39, р. 341]. Кроме того, Блур обвиняет Левингстона в общих фразах, лишенных всякого смысла. Так, в момент совершения математического доказательства Левингстон говорит об «известных» аспектах доказательства, что дает подозрение о более широком диапазоне аргументов. Но, по мнению Линча, Блур решительно не прав. Он не понимает тезис об имманентной связи между изложением доказательства и реальным, «живым» доказыванием: «Левингстон хочет продемонстрировать, что живая работа доказывания (публичное производство математики на доске или с карандашом на бумаге) обеспечивает точное описание этой же самой деятельности текстом доказательства» [29, с. 178]. На самом деле, лучшая формулировка доказательства отражена не в учебнике по геометрии или на

презентационных слайдах профессора математики. Наиболее надежная формулировка доказательства производится в момент доказывания.

Линча могут упрекнуть в неверном прочтении Витгенштейна. Тот же Блур заявляет, что цель Витгенштейна заключалась в разработке особой теории. Согласно ей, процесс математического доказательства выстраивается по аналогии. Исходя из нее, получаемые выводы опираются на опыт окружающего мира, после чего становятся парадигмами. Они «осели» и превратились в негласно соблюдаемую конвенцию. На это Линч приводит 109 параграф *Философских исследований*, где говорится: «Что верно, то верно: нашим изысканиям не обязательно быть научными... И нам не надо развивать какую-либо теорию. В наших рассуждениях неправомерно что-то гипотетическое. Нам необходимо отказаться от всякого объяснения и заменить его только описанием» [19, с. 97]. В данном пассаже Витгенштейн совершенно точно не предлагает новую социологию знания или определенный теоретический язык.

Заключение

Свои рассуждения мы начали с того, что актуализировали проблему ненадежности выводов социальных ученых. В данном случае, мы коснулись социологии, в которой любое объяснение не является универсальным и в каждом отдельном случае модифицируется. К нему примешиваются дополнительные факторы, которые, в зависимости от ситуации, могут иметь или не иметь объяснительную силу. Истоки проблемы ненадежности описаний социальных ученых следует искать в XVII веке, когда «фигура картезианского субъекта» расколола мир на две части – пространственную и сознательную. Как итог, в истории философии можно выделить два типа скептицизма: картезианский (Рене Декарт) и кантианский (Иммануил Кант). При этом появление кантианского скептицизма стало следствием решения на проблему картезианского скептицизма. Если картезианский скептик пытается ответить на вопрос «Реален ли данный мне мир?», то кантианец спрашивает «Как возможно в принципе постижение этого мира?». Логику и проблематизацию двух версий скептицизма мы эксплицировали через пять аспектов, находящихся в предмете осмысления двух философий: восприятие, другие сознания, язык, интенции и искусство.

Далее мы перешли к дебатам между реалистами и конструктивистами. Раскрыли основные позиции и аргументы двух противников и отметили, что принятие одной из двух сторон никак не решает проблему ненадежности описаний социологов. Выход был найден в аналитической философии Витгенштейна, согласно которой использование языка позволяет определить подхоимость тех или иных высказываний к внешнему миру. Иными словами, мир тестирует наши выводы на их надежность или ненадежность. Именно здесь возникает проблема следованию правилу. Суть ее в том, что невозможно найти правило, которое имело бы одинаковую силу на все случаи своего применения. Отсутствие универсализма разделило социологов на три движения: экстерналисты (Крипке, Блур), интерналисты (Малькольм, Бейкер, Хакер, Шенкер), этнометодологи (Линч). Резюмируем каждое из трех течений.

Экстернализм Блура и Крипке в прочтении философии Витгенштейна пытается объяснить парадокс следованию правилу за счет социологических, экономических и психологических факторов. Правилоприменение целиком диктуется спецификой определенной формы жизни. Оба автора подчеркивают роль сообщества в

установлении конвенции поступать именно так, а не как-то иначе. Интернализм Бейкера, Хакера и Шенкера подчеркивают фанатизм, с каким социологи экстерналисты пытаются объяснить человеческие практики. С точки зрения интерналистов, правило подчиняется собственной логике, поэтому выглядит слишком опрометчивым из раза в раз объяснять действия различным набором причин. Этнометодологи полагают, что неправы оба лагеря. И экстерналисты и интерналисты неправильно трактуют Витгенштейна, что, в конечном счете, разводит по разным сторонам баррикад правило и правилоприменение. На самом деле, формулировка делания правила и само делание неразрывно связаны друг с другом, как две стороны одной медали. Практики конституируют порядок и только в этом обрамлении правило имеет силу своего применения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Конт О. Общий обзор позитивизма. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 296 с.; Эльстер Ю. Объяснение социального поведения: еще раз об основах социальных наук. – М. Изд. дом Гос. Ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 472 с.
- 2 Bloor, David. Knowledge and Social Imagery. 2 ed. Chicago and London: The University of Chicago Press. 1991.
- 3 Conant J. Two Varieties of Skepticism // Rethinking Epistemology, Vol. 2, edited by Guenter Abel and James Conant, Berlin: Walter De Gruyter 2012, pp. 1-73.
- 4 Cavell S. The Claim of Reason, Oxford, 1979.
- 5 Декарт Р. Размышления о первой философии. URL: <http://psylib.org.ua/books/dekar02/index.htm> (дата обращения: 21.08.2016).
- 6 Kant I. Critique of Pure Reason, Cambridge, 1998.
- 7 Conant J. Two Varieties of Skepticism // Rethinking Epistemology, Vol. 2, edited by Guenter Abel and James Conant, Berlin: Walter De Gruyter 2012. P. 4.
- 8 Блур Д. Определение релятивизма // Эпистемология & философия науки, 2011, Т. XXX. №4. С. 16 – 31, С.16.
- 9 Беркли Дж. «Трактат о принципах человеческого знания». URL: <http://www.psylib.org.ua/books/berkl01/index.htm> (29.02.2016).
- 10 Кант И. Критика практического разума, Спб., Наука, 2007. URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/kanti02/index.htm> (дата обращения: 15.01.2016).
- 11 Glasersfeldt E. von. (1992). Aspects of Constructivism: Viko, Berkeley, Piaget. URL: <http://www.univie.ac.at/constructivism/EvG/papers/139.2.pdf> (дата обращения: 15.02.2016).
- 12 Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. Мюнхен, 2000. 332 с.
- 13 Foerster H. v. On Constructing a Reality / In Foerster H. von. Understanding Understanding. Essays on Cybernetics and Cognition. Springer, 2002a. P. 211 – 227;
- 14 Glasersfeld E. von. Radical Constructivism: A Way of Knowing and Learning. London: The Falmer Press, 1985. 213 p.
- 15 Фоллмер Г. Мир как мое представление? Спор реализма и Солипсизма // Эпистемология & философия науки, 2009, Т. XX. №2. С. 62 – 81;

- 16 Фоллмер Г. Эволюционная теория познания: врожденные структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки. М, 1998. 165 с.
- 17 Патнэм Хилари. (2002). Разум, истина и история. М.: Праксис. 296 с.
- 18 Maturana U. Autopoiesis / (eds. by Zeleny M.). Autopoiesis: A Theory of Living Organizations. New-York: North-Holland, 1981. P. 21 – 32; Maturana U. Response to Berman's Critique of the Tree of Knowledge // Journal of Humanistic Psychology, 1991, Vol. 31, No. 2. P. 88 – 97.
- 19 Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ: Астрель, 2011. 320 с.
- 20 Витгенштейн Л. О достоверности // Вопросы философии, 1991, № 2. С. 67—120. URL: <http://www.opentextnn.ru/man/?id=4600> (дата обращения: 15.06.2015).
- 21 Glock H-G. A Wittgenstein Dictionary. Oxford: Blackwell, 1996. 405 p.
- 22 Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Логос, 1999, №8. С. 68 – 87. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000272/index.shtml> (дата обращения: 20.06. 2016).
- 23 Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_01/1999_1_09.htm (дата обращения: 01.10.2017).
- 24 Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Скептицизм, правила и язык / Пер. с англ. В. А. Ладова и В. А. Суровцева под общ. ред. В. А. Суровцева. М.: Канон+, 2008.
- 25 Baker G. P., Hacker P. M. S. Wittgenstein: rules, grammar, and necessity. Oxford: BasilBlackwell, 1985.
- 26 Hanfling O. Was Wittgenstein a sceptic? // Philosophical Investigations. 1985. Vol. 8. № 1. P. 1–16.
- 27 Shanker S. G. Wittgenstein and the turning-point in the philosophy of mathematics. Albany: SUNY Press, 1987.
- 28 Bloor D. Wittgenstein: a social theory of knowledge. N. Y.: Columbia University Press, 1983.
- 29 Линч М. Развивая Витгенштейна: решающий шаг от эпистемологии к социологии науки // Социология власти, 2013, №1-2, С. 155 – 213.
- 30 Блур Д. Сильная программа в социологии знания / Логос. 2002. № 5/6. С. 162–185.
- 31 Laudan L. The pseudo-science of science? // Philosophy of the Social Sciences. 1981. Vol. 11. № 2. P. 173–198;

- 32 Turner S. P. Interpretive charity, Durkheim, and the «strongprogramme» in the sociology of knowledge // *Philosophy of the Social Sciences*. 1981. Vol. 11. № 2. P. 231–244.
- 33 Malcolm N. Wittgenstein on language and rules // *Philosophy*. 1989. Vol. 64. № 247.
- 34 Latour B. *The pasteurization of France* / Trans. A. Sheridan and J. Law. Cambridge: Harvard University Press, 1988.
- 35 Bloor D. Wittgenstein and Mannheim on the sociology of mathematics // *Studies in the History and Philosophy of Science*. 1973. Vol. 4. № 2. P. 173–191.
- 36 Уинч П. Идея социальной науки и ее отношение к философии / Пер. с англ. М. Горбачева и Т. Дмитриева. М.: Русское феноменологическое общество, 1996;
- Sharrock W. W., Anderson R. J. *The Wittgenstein connection* // *Human Studies*. 1984. Vol. 7. № 3-4. P. 375–386.
- 37 Garfinkel H., Sacks H. On formal structures of practical actions // *Theoretical sociology: perspectives and development* / Ed. J. C. McKinney and E. A. Tiryakian. N. Y.: Appleton-Century-Crofts, 1970. P. 337–366.
- 38 Гарфинкель Г. *Исследования по этнометодологии*. — СПб.: Питер, 2007. — 335 с.
- 39 Bloor D. *The living foundations of mathematics* // *Social Studies of Science*. 1987. Vol. 17. № 2. P. 337–358.
- 40 Livingston E. *The ethnomethodological foundations of mathematics*. L.: Routledge and Kegan Paul, 1986.